

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-428-440

EDN: QUYVYS

Научная статья / Research article

Фонетико-семантические особенности татарской лексемы *ик* и баскской *hegi*: опыт сопоставительного анализа

Д.Д. Сулейманова

Издательский дом «Республика Башкортостан», г. Уфа, Российская Федерация

✉ dilbar.bulatova@yandex.ru

Аннотация. Для выяснения возможных этимологических связей татарской лексемы *ик* ‘край, конец’ и выявления диахронических закономерностей в синхронии автор рассматривает ряды лексем, близких по семантическим и фонетическим признакам (парные *ик-чик* ‘конец и край’, *жсек* ‘шов, стык’, *иң* (**egin*) ‘плечо’, *жиң* ‘рукав’ и др.), обозначив их как «фонетико-семантические сближения» и объединив в «фонетико-семантическую группу» (ФСГ). Отсутствуют специальные работы, изучающие происхождение, причины происхождения подобных групп лексем, типы отношений между их элементами. Исследование ФСГ могло бы содействовать анализу этимологически сложных лексем и выявлению системных связей в лексике, что обуславливает актуальность работ по данной проблематике. В целях изучения вопроса о существовании ФСГ в других разноструктурных языках привлечен материал баскского языка (лексемы *hegi* ‘край, граница’, *hegal* ‘крыло, край’, *magal* ‘крыло, склон’ и др.). На материале из этимологических и других словарей татарского, башкирского, русского, баскского, тюркских, алтайских языков были рассмотрены основы типа VK- и часть дериваций структуры CVK- с начальными /й-/жс-, м-, ч-, т-/ в татарском и анлаутными /h-, т-/ – в баскском языках. Выдвигается гипотеза о том, что фонетико-семантические сближения в татарском языке могут представлять собой установившиеся в виде самостоятельных лексем родственные основы. В результате применения комплекса методов, совмещающего приемы сравнительно-исторического и сопоставительно-типологического анализа, автор приходит к выводу, что в развитии фонетико-семантических групп, кроме семантических дериваций, принимали существенную роль фонетические способы словообразования. Это тюркский аблаут, сингармонический параллелизм (палатализация основы), редупликация, представляющие собой реликты доагглютинативного периода развития тюркских языков.

Ключевые слова: татарский язык, баскский язык, тюркский аблаут, сингармонический параллелизм, этимология, лексика, семантика, словообразование, морфонология, фонетико-семантическая группа (ФСГ)

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сулейманова Д.Д., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Сулейманова Д.Д. Фонетико-семантические особенности татарской лексемы *ик* и баскской *hegi*: опыт сопоставительного анализа // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 428–440. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-428-440>

Phonetic-Semantic Features of the Tatar Lexeme *ik* and Basque *hegi*: Experience of Comparative Analysis

Dilbar D. Suleimanova^{ORCID}

Publishing House “Republic of Bashkortostan”, Ufa, Russian Federation

✉ dilbar.bulatova@yandex.ru

Abstract. To clarify possible etymological connections of the Tatar lexeme *ik* ‘edge, end’ and identify diachronic patterns in synchrony, the author considers a series of lexemes that are similar in semantic and phonetic characteristics (paired *ik-şik* ‘end and edge’, *żek* ‘seam, joint’, *iŋ* (**egin*) ‘shoulder’, *żiŋ* ‘sleeve’, etc.), designating them as “phonetic-semantic convergences” and combining them into a “phonetic-semantic group” (FSG). There are no special works studying the origin, reasons for the origin of such groups of lexemes, types of relationships between their elements. FSG research could contribute to the analysis of etymologically complex lexemes and the identification of systemic connections in vocabulary, which determines the relevance of work on this issue. In order to study the question of the existence of FSG in other differently structured languages, material from the Basque language was used (lexemes *hegi* ‘edge, border’, *hegal* ‘wing, edge’, *magal* ‘wing, slope’, etc.). Using material from the etymological and other dictionaries of the Tatar, Bashkir, Russian, Basque, Turkic, Altai languages, the basics of the VK- type and part of the derivations of the CVK- structure with initial /j-/ż-, m-, ş-, t-/ in Tatar and anlaut /h-, m-/ in Basque languages. The hypothesis is put forward that phonetic and semantic convergences in the Tatar language may represent related bases established in the form of independent lexemes. Because of the application of a set of methods combining techniques of comparative historical and comparative typological analysis, the author concludes that in the evolution of phonetic and semantic groups, in addition to semantic derivations, phonetic methods of word formation played an essential role. These are Turkic ablaut, synharmonic parallelism (palatalization of the base), reduplication, which are relics of the pre-agglutinative period of the development of the Turkic languages.

Key words: Tatar language, Basque language, Turkic ablaut, synharmonic parallelism, etymology, vocabulary, semantics, word formation, morphonology, phonetic-semantic group (FSG)

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Suleimanova, D.D. 2024. “Phonetic-Semantic Features of the Tatar Lexeme *ik* and Basque *hegi*: Experience of Comparative Analysis.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 428–440. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-428-440>

Введение

Этимология татарской лексемы *ик* ‘край, конец’ затруднена ввиду ее односложной структуры и абстрактной семантики. Р.Г. Ахметьянов указывает на возможные связи *ик* с соматизмом *иң* (< пратюркское **egin*) ‘плечо’, частицей суперлатива *иң* ‘наиболее, самый’, лексемой *жик* ‘стык; щель на стыке; шов’,

однако данные предположения и факт наличия ряда других близких по структуре и семантике лексем требуют более детального рассмотрения.

Для обозначения подобных лексических единиц введены понятия «фонетико-семантических сближения» и «фонетико-семантическая группа» (ФСГ). Их исследование направлено на выявление диахронических закономерностей в синхронии и опирается на следующие положения: фонетико-семантические сближения¹ — это близкие по фонетическим и семантическим характеристикам генетически связанные между собой реликтовые основы, установившиеся в результате старых (доагглютинативных) способов словообразования (тюркский аблаут, сингармонический параллелизм, префиксация, редупликация и др.). Обращение к фонетико-семантическим сближениям встречается в этимологических словарях, когда, кроме анализа межъязыковых и междиалектных соответствий, для сравнения используется собственный (синхронический) материал языка. В отличие от лексико-семантических групп ФСГ позволяют использовать для анализа различные части речи, реконструировать словообразовательные парадигмы и цепочки.

В исследовании ставится цель обзора ФСГ, включающей татарскую лексему *ик* ‘край, конец’ и ее фонетико-семантические сближения в значениях ‘верхняя часть туловища’, ‘направление’, ‘склон’, ‘кромка ткани’ и др. Применен комплекс методов, совмещающий приемы сравнительно-исторического и сопоставительно-типологического анализа. Сопоставление с баскской лексемой *hegi* ‘край, граница’ и ее фонетико-семантическими сближениями дает возможность проследить пути развития соотносительных по семантике и структуре лексем на примере разноструктурных языков.

Материалом выступили лексемы, извлеченные из этимологических и других словарей татарского, башкирского, русского, баскского, тюркских языков. Частое обращение к примерам из башкирского языка основано на близком родстве и тесных языковых контактах с татарским языком.

В современном литературном татарском языке лексема *ик* ‘край, конец’ употребляется в составе парного слова *иксез-чиксез* ‘бесконечный, бескрайний; неисчислимый’ и фразеологических оборотах *иге-чиге юк* ‘нет конца-края’, *иге дә юк, чиге дә юк* ‘нет ни конца, нет ни края’. Алтайскими соответствиями тат. *ик* ‘край, конец’ (тур. *а́к, е́к* ‘край, шов; край раны; воротник’, турк. диал. *эк, эң* ‘даль, горизонт’) выступают монгольское *ег* ‘край, передний, граница, к которой стремятся’ ~ корейское *jek*², что свидетельствует об устойчивости структуры (VK), взаимосвязи абстрактных и конкретных значений, структуре корня типа CVK.

В татарском языке изменение *к > г* характерно для стыка морфем: *ик* ‘край’ — *иге* ‘его (ее) край’; тат. *ң* ~ башк. *г* спорадически на стыке морфем:

¹ В тексте выделены курсивом и полужирным шрифтом.

² Эхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда = Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. I (А–Л). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015. С. 296.

тат. *аңа* ~ башк. *уға* ‘ему, ей’. С учетом сосуществования форм *эк*, *эң* ‘даль, горизонт’ в туркменских диалектах необходимо рассматривать проблему соответствий в С₂ средне- и заднеязычных (*к*, *ç*) и сонантов (*н*, *ң*), характерных для ряда фонетико-семантических сближений тат. *ик* ‘край, конец’: *ян* ‘бок’ — *яңак* ‘щека’ — *як* ‘сторона’, *иң* ‘плечо’ — *жиң* ‘рукав’ — *жик* ‘шов’. Так, в настоящей статье для допратюркского состояния тат. *ик* реконструируются гипотетическая праформа *CVN-V-K и ее возможные рефлексy в виде сингармонических параллелей: **-an* -K - > **-en* -K - (-*ең* -/-*ек* -; -*иң* -/-*ик* -; -*әң* -/-*әк* -); аблаутных основ **-on* -K -/**-un* -K - (-*оң* -/-*ок* -; -*уң* -/-*ук* -; -*ың* -/-*ык* -); сингармонических аблаутных основ -*өң* -/-*өк* -; -*үң* -/-*үк* -. Также рассмотрены основы с начальными *й* -/*ж* -, *м*-, *ч*-, *т* -, по мнению автора, являющимися начальными морфофонами (реликтовыми префиксами) в составе тюркских основ.

Результаты и обсуждение

Татарское *ик* ‘край, конец’

Тюркский аблаут. А.Ю. Гаджиева, опираясь на исследования Н.А. Баскакова и Б.А. Серебренникова, отмечает аблаутные изменения *ī* ~ *i*, *a* ~ *i*, аффиксальный аблаут, фузионные элементы *-l* и *-t* в тюркских языках и считает, что тюркские языки “в ранний период своего развития демонстрируют относительное изобилие внутрифлективных и фузионных элементов” [1. С. 314]. Промежуточный аблаутный рефлекс тат. *ик* ‘край, конец’, объяснимый деривацией ‘край, окраина’ > ‘движение с одного края (конца) в другой’, мог сохраниться в татарском *ык*³: ‘1) течение, движение сплошной массы, укрытие, направление по ветру; 2) укромное место; место в отшибе’, ср. башкирское диалектное (далее — БД, с указанием страницы в словаре⁴) БД₄₀₄ *ык* ‘направление’; ДТ₃₆₃ *оугау* ‘место, куда стремятся, цель; изгиб, седловина’; башк. глаголы *уктал*-, *ынтыл*- ‘стремиться’.

Корень *ак*- вычленяется в составе семантически близкого тат. *актык* ‘крайний, последний, конечный’ в БД₁₈ *акый заман* ‘давным-давно’; тат. *аулак* < пратюркское (далее — ПТ, с указанием страницы в словаре⁵) ПТ₂₇₆ **aglak* ‘укромное, уединенное, далекое место’, ср. БД₄₂₄ *әкәл* (*сиккә етеү*) ‘дойти до предела’.

Корни с назальным сонантом и аблаутом могут быть представлены в тат. *уң* < ПТ₃₀₅ **oŋ* ‘правый; лицевой’. В сочетании *куз уңында тот*- ‘иметь в виду’, досл. ‘держат перед глазами’ сохранилось значение ‘передняя сторона, перед’.

³ Эхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда = Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. II (М–Я). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015. С. 502.

⁴ Башкорт теленең диалекттары һүзлеге = Диалектологический словарь башкирского языка. Өфө: Китап, 2002.

⁵ Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Brill Academic Pub, 2003.

Значение ‘направление, сторона’ получило развитие в тат. **уңай**, татарском диалектном (далее — ТД, с указанием страницы в словаре⁶) ТД₇₉₈ **ыңгай**, ТД₅₀₄ **оңгай**, БД₉₉ **иңгай** ‘попутный, направление’.

Еще одним ранним способом словообразования в тюркских языках выступает **сингармонический параллелизм или палатализация основы**, различные аспекты которого обсуждаются в трудах А.М. Щербака, Дж.Г. Киекбаева, Ф.А. Ганиева и др. К примеру, в башкирской топонимии зафиксированы сингармонические варианты оронимов *Бакал* ~ *Бәкәл*, *Бакай* ~ *Бәкәй* [2. С. 191].

К сингармоническим параллелям тат. **уң** можно отнести тат. **юнь** ‘направление; толк’ < ПТ₁₀₅₅ **öŋ*/**oŋ* ‘перед, восток; внешняя сторона; цвет; лицо’, **уңгә** ТД₆₉₁ ‘другой’, БД₃₆₂ ‘кроме’ (ПТ₁₁₆₂ **öŋi*) (ср. семантическую деривацию рус. *кроме* и *край*).

Глаголы движения. ТД **ык-7** ‘идти или лететь по ветру, плыть по течению’ содержит идею направления движения по наклонной плоскости. Включение тат. **редупликатов ык-мык** в зн. ‘колебаться’, **икеле-микеле** ‘уклончивый; двойственный’ в рассматриваемую ФСГ возможно при допущении дериваций ‘край’ > ‘бросаться в крайности’ и ‘край’ > ‘два края’ > число *ике* ‘два’. (Ср. парные баск. *aiko-maiko* ‘нерешительность, неопределенность’.)

Семантика нижеследующих глаголов структуры *VK-/VG-* связана с идеей движения вверх-вниз: **ау-** ‘валиться’, ТД₂₀ **агын-** ‘подниматься, взбираться; перелезть через забор, валяться на спине’, древнетюркское (далее — ДТ, с указанием страницы в словаре⁸) ДТ₁₆ **ау-** < ПТ₄₉₄ *(*i*)*āg-* ‘подниматься’. Произошло объединение глаголов в значениях ‘восходить’ и ‘заходить’ “в один корень-основу **a:γ-*, означающий (первоначально) движение через горы с подъемом/восхождением и спуском/схождением”⁹.

С учетом соответствий срединных среднеязычных и носовых фонем, анлаутных, аблаутных изменений, в искомой ФСГ можно рассматривать тат. **югары**, ДТ₂₇₃ **joqaru**, ДТ₂₈₄ **jügärü** ‘вверх, наверх’ < ПТ₆₁₄ **jüg-* ‘вверх, наверх; подниматься; холм; высокий’; тат. **йөген-** < ПТ₈₇₈ **jükün-* ‘склонять колени’ < ПТ₁₁₆₈ **ök-* ‘падать, склоняться’ и др.

В словарных статьях **a:γ-* ‘подниматься’ и **a:γ-* ‘свешиваться’ в качестве первичных приводятся основы с сонантом: *a:ŋ-* ‘поднимать(ся)’ и ‘сваливаться’. Сонант в С₂ дает возможность привлечь следующие аблаутные и палатальные основы: тат. **уң-** ‘уродиться, удаваться’, **иң-**, ДТ₁₇₃ **ep-** ‘спускаться, падать (о снеге)’; **жиң-** ‘побеждать, взять верх’.

⁶ Татар теленең зур диалектологик сүзлеге = Большой диалектологический словарь татарского языка. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009.

⁷ Әхмәтьянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда = Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. II (М–Я). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015. С. 502.

⁸ Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969.

⁹ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. С. 69–70.

Естественными ориентирами границ в местности могли выступать высокие сооружения: узб. диал. *о̋к* ‘колонна, столб’, сравниваемая с тат. *ӳкча* ‘пятка, каблук’, при этом БД₃₆₂ *ӳңса* ‘каблук’.

Парные слова. На первый взгляд, парное слово *иксез-чиксез* содержит ч-редупликат лексемы *ик*. Однако тат. *чик* (чув. *чикё*, тат. уст. *чигәрә* > *чек ара*¹⁰ < ПТ₄₂₆ **čigir*) ‘граница’ относится к активной лексике.

На этимологическую *n* в С₂ указывают ТД₅₇₅ *сиңер* ‘мыс, предгорье, холм’ (ср. БД₃₆₂ *ӳңер* ‘холм’), БД₂₇₆ *сиң* ‘граница, край; около’, ср. также тат. *соң* ‘конец’, *сул*, ТД *суң* ‘левый (север, зад)’¹¹.

Выявляется ряд соматизмов, соотносимых с тат. *чик* ‘граница’: башк. *соңка* ‘затылок’ (ср. ТД₂₁₃ *иңса* в том же зн.); ТД₇₅₆ *чогыр* ‘плечо’; тат. *чигә* < ПТ₄₃₈ **čeke* ‘щека’.

Соответствия типа VN ~ CVN указывают на такое явление в тюркских языках, как начальные морфофонемы [З. С. 116–122].

Модели основ с первичными и производными основами наиболее отчетливо выявляются в парных словах с редупликатами. Реликты начальных морфофонем находят отражение в системе указательных местоимений: *анда* ‘там’, *монда* ‘здесь’, *шунда* ‘там’, *анда-монда* ‘там-сям’. Вопрос о связи указательных местоимений с лексемами в зн. ‘сторона, направление’ требует специального изучения.

Упомянутая в работе Г.К. Валеева башк. *бәкәл* ‘бабка, щиколотка’, имеющая множество диалектных сингармонических вариантов *йәкәл*, *шәкәл*, *бакай*, *сакалак* и др. [2. С. 190], ср. тат. *чәкән*, также имеет отношение к рассматриваемой ФСГ. В их развитии важную роль играли начальные морфофонемы как реликт доагглютинативной системы словообразования.

Послелог. Аблаутным вариантом тат. *чик* может являться тат. *чак* ‘время, момент; предел’, от которого, по мнению Р.Г. Ахметьянова, были образованы послелог тат. *чаклы*, ТД *чикле* ‘до (кого, чего, какого времени)’¹². Ср. тат. *чагыл* ‘холм, склон горы’, БД₂₆₉ *саңгайа* ‘высокая голая гора’.

ТД₇₄₉ *чикле* также можно рассматривать в связи с тат. *тикле* (ТД *тин*, *тиң*, *тийёнтён*, ср. ДТ *tegi*, *teki*, *tegin*, *mägru*) ‘до (самого)’, по мнению Р. Ахметьянова, восходящим к некому общему существительному, однокоренному с *тий-* ‘достичь, дотрагиваться, касаться’¹³. Вероятно, что этот же корень сохранился в ТД *тәңкәл* ‘терраса’, тат. *төкәтмә* ‘пристройка’, тат. *текмә* ‘забор из кольев’, ср. ДТ₁₆₆ *egtä* ‘арка, свод дома’.

Соматизмы. Рассматривая историю соматизма *иң* (< ПТ₄₉₅ **egin* ‘плечо’), сиб. тат. *ән*, *ән* ‘плечо, загривок; ширина’, Р. Г. Ахметьянов предполагал, что

¹⁰ Ахметьянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда = Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. II (М–Я). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015. С. 434.

¹¹ Там же. С. 168, 163.

¹² Там же, с. 403, 435.

¹³ Там же, с. 263.

он может представлять собой окаменевший инструментальный падеж *ик* ‘край, границ’¹⁴. Древний характер соответствия $\eta \sim g$ подтверждают ДТ₁₆₆ *egin*, ДТ₁₆₆ *egnin*, ДТ₁₇₅ *ejin* ‘плечо’.

Э.В. Севортян считает, что тюрк. *egin* ‘плечо (лопатка, рука, рукав); задняя сторона (спина, хребет); тело; одежда; кровля, крыша’ образовано от глагола *eg-* ‘гнуть(ся)’, в более старой форме *eη-*, основываясь на узб. диал. *eηil*, уйг. *ānil* ‘плечо’; тур. диал. *eğa, eje* ‘ребро’ (ПТ₁₁₄₁ **ejekü* ‘бок, верхнее ребро’) < *eğ-* ‘гнуть’ отмечая, что: “старейшими... из форм следует считать *ejin*”¹⁵.

С учетом того, что тюркская срединная η восходит к сочетаниям **ny, ng, nq, nk* (М. Ряснен; Г.И. Рамстедт), еще более ранней следует считать основу, сохранившуюся в узб. *engil-бош* ‘одежда’ (тат. *иңбаш* ‘плечо’, дословно — ‘плеча-голова’), как элемент старого безаффиксного изафета, ср. также баск. *hegi-buru* ‘верхняя часть склона’, дословно ‘склона-голова’.

О корне типа *VN- свидетельствуют тат. уст. *өңгәл, үңгән* ‘холка (лошади)’, БД₃₆₂ *үңгән* ‘шея’ < ПТ₅₀₅ **ötgen* ‘верхняя часть груди’. Ср. горно-марийское *онг* ‘грудь’.

Семантическая деривация ‘грудь’ > ‘холм’ зафиксирована в БД₃₆₂ *үңер* ‘горловина (рубашки у платья), полы одежды; холм’, БД₃₆₂ *үңер һөйәк* ‘грудная кость’. Типологические параллели: рус. *грудь* — *гряда* ‘цепь гор’.

Об аффиксах -к и -н. Об аффиксальном характере элемента *k(g)* как реликтового показателя двойственного числа свидетельствуют татарские соматизмы: *аяк* ‘нога’, *беләк* ‘предплечье’, *колак* ‘ухо, уши’ и др. Вероятно, что *иң* < **ен-к* ‘плечи’ — это двойственное число от гипотетического **ен*, соответствующего БД₉₈ *ин* ‘плечо; ширина; метка; самый, в высшей степени’ (ср. баск., венгерское *-k* — аффикс мн. ч.).

Конечная *-n* присуща для ряда татарских соматизмов: *муен* ‘шея’, *ирен* (< *eger*¹⁶) ‘губы’ и может представлять собой показатель местного падежа, ср. ДТ₂₂₄ *jaçır* ‘лопатка’ и башк. *яурын* ‘плечо’. В баскском языке конечная *-n* присуща для глаголов, однако имеется лексема *idun (igun, irun)* ‘шея, горло, воротник (хомут)’, сравниваемая с баск. *igun, irun, idun, hugun, ugi* ‘рукоять (плуга)’.

Не исключено, что начальная *e-* могла установиться в результате протезирования общевразийского сонанта или метатезы (*nek-in* > *enek-in/enk-en* > *ejin/egin* > *eη/ek*), ср. эвенкийское *nikimna* ‘шея’ и английское *neck* ‘шея’. Далее последовала фрикатизация анлаута: турк. *чигин* ‘плечо’¹⁷.

¹⁴ Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленен этимологик сүзлеге: Ике томда = Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. I (А–Л). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015. С. 306.

¹⁵ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. С. 225–226.

¹⁶ Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленен этимологик сүзлеге: Ике томда = Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. I (А–Л). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015. С. 310.

¹⁷ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. С. 227.

Тат. иң ‘самый, наи-’. В словарной статье тат. *ик* ‘край, конец’ Р.Г. Ахметьянов делает отсылку к тат. *иң* (ПТ₃₀₀ **ең*) ‘самый, наи-’, сравнивая с монгольским *ең* ‘широкий, очень’, эвенским *энги, энгне*¹⁸ (ср. также кумыкское *ingde* ‘очень’, ‘сильный, самый’), по-видимому, основываясь на семантической деривации ‘край’ > ‘крайний’ > ‘широкий’ > ‘самый, очень’. Соответствие *ң ~ г* характерно и для данной подгруппы ФСГ: тат. уст. *иңез* ‘высь’ ~ уйг. *egiz* ‘высокий’.

Г. Вамбери рассматривает частицу тюркского суперлатива *ең* в составе своего рода ФСГ палатализованных основ *öң, öng, önd, ün, eng, ең* ‘перед, передний, высокий, передняя часть туловища, повышаться, расти’¹⁹.

Авторы ЭСТЯ допускают форму *аң* (по ранним текстам) и ранние корни вида **ан-г*, **ен-г*, начальный согласный (по начальным фонемам *h-, j-, n-* в материале туркменского (*heң*), гагаузского (*heң*) и сарыг-югурского (*jeң*), хакасского (*niң*) языков)²⁰.

По их же мнению, уральские соответствия тюркской частицы суперлатива *ең* представлены удмуртским *ипо* ‘очень, много’, вогульскими *jäni, jenug* ‘великий, большой’²¹. При этом возможные тюркские аблаутные формы: алтайское *йаан, даан*, шорское *наан* ‘большой, великий’, ДТ₄₃ *анча* в зн. ‘так много’, парное ДТ₄₃ *анча-тунча* ‘много, очень’ остаются вне поля зрения. Редупликация лексем подобного значения прослеживается в баск. *handi* ‘большой, высокий’, *handi-mandi* ‘важный’; *anitz, hagitz* ‘много; очень’, *hagitz eta anitz* ‘много’.

Тат. й-основы в значении ‘бок, сторона, щека, склон, чужой’. Одной из производительных лексем является тат. *ян* ‘бок; сторона, место вблизи кого-чего’. Значение ‘склон’ содержится в ТД *яңгырак* ‘предгорье, отроги’ [З. С. 549]. О развитии тат. *янши(ә)* ‘рядом’ в результате палатализации основы свидетельствует БД₉₅ *йанаши* ‘парный’, об аблаутных изменениях — БД₁₂₆ *йунай* ‘боковые стороны позвоночника’, о палатализации — ТД₂₄₇ *йен* ‘затылок’.

Древний показатель мн.ч. -к обнаруживаются в тат. *яңак*, БД₁₀₅ *йагак* (ПТ₁₅₁₇ **јајһак*) ‘щека; наличник; челюсть, сторона’, ДТ₂₆₇ *јһақ* < ПТ₉₉₈ **јһақ* ‘сторона, направление’; БД₉₉ *иңәк* ДТ₁₇₄ *еңәк* ‘нижняя часть щеки; подбородок’, тат. *ияк* > ПТ₅₁₁ **ēң* ‘подбородок’.

Следует считать более поздними тат. *як* < ПТ₁₅₄₂ **јәк* ‘бок, край, сторона’ (ср. ДТ₁₆₇ *ејәгү* ‘бок; склон горы’), тат. *якын* (**јауиқ*) ‘близкий’. Парные *ян-як* ‘окрестность’, *чит-ят* ‘чужой’ подчеркивают тенденцию использования в парных конструкциях родственных лексем со смежными значениями. Тат. уст.

¹⁸ Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда = Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. I (А–Л). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015. С. 306.

¹⁹ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. С. 366.

²⁰ Там же. С. 366.

²¹ Там же.

ягы < ПТ₄₅₇ **jagi* ‘враг’ и тат. *ят* ‘чужой’, ТД *jaγit* ‘враг’ < ПТ₁₅₂₀ **jāt* ‘чужой’ относятся к гомогенным основам.

Тат *жәк* ‘шов’, *жиң* ‘рукав’. В словаре Р. Г. Ахметьянова приводится сравнение тат. *ик* ‘край, конец’ (ср. тур. *ек* ‘край, шов; край раны; воротник’) с тат. *жәк*²², ср. ТД₁₈₇ *жик*, ТД₂₄₆ *йек*, ТД₂₀₆ *ик* (< ПТ₈₇₇ **jīk*) ‘стык; щель на стыке; шов’.

Взаимосвязь значений ‘шея’, ‘край’, ‘стык, шов’, ‘воротник’ подтверждается рус. *край* ~ *крой* ~ *кроить* и *шить* > *шея* (Фасмер) и отражается в семантике лексем: БД₃₆₂ *үңер* ‘1) горловина (рубашки, платья), полы одежды; 2) холм’, БД₉₈ *иңербау*, БД₉₉ *иңгербау* ‘завязка, тесемка (у воротника рубахи)’.

Тат. *жәк* также коррелирует с тат. *жиң* (долганское *hieκ, hien*, ПТ₁₅₁₈ **jegn*) ‘рукав’, *жәй* ‘шов’, *жәп* ‘нить’, ТД *йү, йөй*, чув. *çěвё* ‘шить’ (ПТ₁₅₂₂ **jib*).

Аблаутное соответствие — *яка*, ТД₂₂₄ *яга* ‘ворот, воротник; сторона; край’, сравниваемое с древнеиранским *jax* > персидским *жуг* ‘хомут’ (рус. *уго*). Уст. *янка*²³ ‘воротник’ указывает на аффиксальный характер *-ка* (*янка* > *яка* > *яга*). Схожие аффиксы вычленяются в соматизмах *жшлкә* ‘плечо, холка’, *чөңкә* ‘затылок’, названиях одежды: ДТ₂₂₅ *јауқи* ‘плащ’. Рефлекс *-KV* типа *-SV* присутствует в ряде основ: тат. *иңсә* ‘часть спины между плечами’, *жиңсә* ‘рукав; шейка’, *үкчә* ‘пятка, пята’; в названиях одежды, украшений: *муенса* ‘ожерелье’, *чигәчә* ‘украшения на висках’, *изүчә* ‘нагрудник’.

В баскском языке имеются схожие словообразовательные модели: *idun* ‘шея, горло, воротник (хомут)’ — *iduneko* ‘бусы, ожерелье; воротник’; *hegi* ‘край’ — *hegitxo* ‘юбка’.

Баскское *hegi* ‘край, граница’

В баскском языке присутствует лексема, сопоставимая с тат. *ик* по семантике и фонетической структуре: *hegi* 1) край, граница, окраина, крайний, берег, предел; линия из гор; 2) склон холма; 3) гора; 4) угол, ребро, оконечность, перекресток; 5) вершина; 6) (*hegira, hegirat, hegian, hegiala*) возле, к, в; 7) место, площадь; 8) карниз, навес; 9) (*hei*) колонна, крыльцо, навес. Примеры из баскского языка и их значения здесь и далее приводятся по “Общему словарю баскского языка” (“Orotariko euskal hiztegia”)²⁴.

Этимология баскской анлаутной фонемы *h-* не установлена (интервокальная *h* < **n*) и является наиболее обсуждаемой. По мнению А. Мартине, анлаутная *h-* в баскском языке может являться рефлексом этимологических **p-*, **t-*, **k-* (цит. по [4. С. 244]). В пиренейских диалектах общебаскская *h-* в части основ соответствует *g-*, *k-*²⁵. В заимствованиях латинская начальная *f-*

²² Ахметьянов Р.Г. Татар теленен этимологик сүзлеге: Ике томда = Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Т. I (А–Л). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015. С. 265.

²³ Ахметьянов Р.Г. Там же. Т. II (М–Я). Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015. С. 535.

²⁴ Orotariko euskal hiztegia. URL: <https://www.euskaltzaindia.eus>. (дата обращения: 02.03.2024).

²⁵ Trask R.L. Etymological Dictionary of Basque. University of Sussex, 2008.

отражается как *h-*. Баскская лексема *hegi* имеет конечный гласный, что характерно для фонотактики данного языка.

Производные основы баск. *hegika* ‘угол, край’, *hegipe* ‘галерея, убежище’, *hegiz-hegi*, *hegitik* ‘бок о бок’, *hegika(tu)* ‘отойти в сторону, приблизиться, закрыться’; *hegira(tu)* ‘согнуться’ свидетельствуют об устойчивости структуры корня и объяснимых семантических переходах.

Баскологи связывают происхождение баск. *hegi* с лексемой *tegi* ‘место’. К. Мичелена приводит ряд топонимов с *-(h)egi/-tegi*: *Arzanhegi*, *Gelhegieta* и *Berroztegieta*, *Salurtegi* [4. С. 246]. Р. Траск в словарной статье лексемы *hegi* делает отсылку к *tegi*²⁶. При этом баск. суффиксы *-toki*, *-oki* ‘место’ не включаются в сравнение.

М. Морван различает лексемы *(h)egi* ‘холм, хребет, край, место’ (< **eg*) и *hegi* ‘отвращение, ссора, вражда’ (< *hegi* ‘край, сторона, угол, уклон’)²⁷.

Возможные фонетико-семантические сближения. Семантика баск. *hegi* имеет сходства с комплексом значений баск. *hegal*: ‘1) защита, убежище; (*hego*, *ega*, *egaa*) крыло, плавник; 2) подошва горы, склон; 3) выступающая часть, карниз, край стола, поля шляпы (*hego* ‘парус’); 4) (*ega*) кромка, подол (одежды); 5) край, конец, бок, сторона; 6) крыльцо, выступ, фасад; 7) крылья носа; 8) *hegalak* две стороны ниже талии (бедра); 9) страница’. Р. Траск считает, что лексемы с *-l* в данном ряде образованы с помощью второй морфемы (сравнивая с баск. *egatz*, *egats* ‘длинные перья (у птиц), плавник’), и обращает внимание на семантическое развитие ‘крыло’ > ‘край’ > ‘подол’²⁸. М. Морван считает, что слово *hegal* возникло от глаголов *hega-/heda-* ‘расширять, увеличивать’²⁹.

Сходство значений омонимов *hego* ‘юг, южный ветер’ и *hego* ‘крыло; плавник, парус’, обусловленное тем, что крылья, как и ветер, позволяют парить, двигаться, позволяет отнести их к единому пракорню. Также объяснима взаимосвязь значений ‘юг’ (*hego*) и ‘сторона’ (*hegi*, *hegal*) (ср. типологическую параллель тат. *уң* ‘правый (о стороне)’ ~ якутское *иҥа* ‘южный’³⁰).

Заметим, что в упомянутых работах не учитывается возможное влияние лексемы *ala* (*aile*) ‘крыло’ из романских языков. Об аффиксальном характере конечного элемента *-l* могут свидетельствовать баск. соматизмы: гипусконское *ukal* ‘предплечье’, где *uka-* (*ukaai*, *ukare*, *ukai*) (обозначение руки или ее части); *bigel*, *gibel* ‘печень; поясница, задняя часть’.

²⁶ Trask R.L. Etymological Dictionary of Basque. University of Sussex, 2008. С. 163.

²⁷ Morvan M. Dictionnaire étymologique de la langue basque. 2024. URL: http://projetbabel.org/basque/basque_dictionnaire_etymologique.pdf (accessed: 29.02.2024).

²⁸ Trask R.L. Etymological Dictionary of Basque. University of Sussex, 2008. С. 162.

²⁹ Morvan M. Dictionnaire étymologique de la langue basque. 2024. URL: http://projetbabel.org/basque/basque_dictionnaire_etymologique.pdf (accessed: 29.02.2024). С. 211.

³⁰ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. С. 457.

Редупликация. По единому мнению баскологов, *m*-редупликатом баск. *hegal* является *magal* в зн. ‘1) юбка, 2) (*madal*) лоно, колени, 3) (*madal*) грудь, 4) угол, убежище, защита; 5) склон, подошва горы, 6) (*hegal, hego*) крыло; 7) (*maal*) свисающая часть кожи у животных; 8) (*madal, maal*) ветвь дерева’.

Заметим, что антропоморфная метафоризация по типу ‘юбка’ — ‘подошва горы’ произошла в татарском языке: *tau utage* ‘подошва горы’, дословно ‘горы юбка’.

В целом все три рассмотренных баскских слова выступают синонимами в сочетаниях с *tendi* ‘гора’) в зн. ‘склон горы’: *tendi-hegi, tendi-hegal, tendi-magal*, подтверждая ранние связи значений ‘край’ — ‘склон (горы)’.

Р. Траск обращает внимание на деривацию ‘крыло’ > ‘край’ > ‘подол’ > ‘юбка’ > ‘убежище’ и подчеркивает отсутствие варианта **mago-*, тогда как слово-основа (*hegal*) может использоваться в вариантах *ega, ego*³¹.

Грамматикализацию баск. *hegi* отражают **послелог** *hegira, hegirat, hegian, hegiala* ‘возле, к, в’, используемые в падежных формах локатива (*tendi hegira* ‘возле горы’).

К. Мичилена отмечает соответствие *hegi* > (**h**)*igitu* > *ihitu* ‘двигаться’ [4. С. 64]. М. Морван соотносит баск. *higitu* с *tubitu* ‘двигаться’ и считает его заимствованием из романского *mover* в том же значении³².

В данном отношении баск. *magal* ‘склон горы’ можно было бы сравнить с близким по значению и структуре баск. *muga* ‘граница, барьер; ограничение; час, время, этап, повод; конец, предел; (*mua*) ограничение на территории, срок; в пределах; цель; (*mua*) возвышенность’, предположив словообразовательные пары: *hegi* ‘край’ — *hegitu* ‘двигаться’, *muga* ‘граница’ — *mugitu* ‘двигаться’.

Заключение

Обнаруживается множество фонетико-семантических сближений тат. *ик* ‘край, граница’, установившихся в сложных условиях межъязыковых, межтюркских связей. Соответствия гласных типа *a ~ y ~ ы; u/e ~ y/ö* в предполагаемых гомогенных основах можно объяснить аблаутными изменениями, соответствия *a ~ ə, y ~ y, o ~ ø, ы ~ e/u* — сингармоническим параллелизмом. Данные морфонологические явления, а также соответствия *н/ң ~ к/г* на стыке морфем требуют подтверждения на материале других ФСГ и развернутого теоретического обоснования. Начальные морфофонемы *й-жэ-, м-, ч-, т-* в татарских примерах и *h-, t-* в баскских словах, парные слова с редупликатами в составе рассмотренных ФСГ могут являться реликтами префиксального способа словообразования.

³¹ Trask R.L. *Etymological Dictionary of Basque*. University of Sussex, 2008. С. 162.

³² Morvan M. *Dictionnaire étymologique de la langue basque*. 2024. URL: http://projetbabel.org/basque/basque_dictionnaire_etymologique.pdf (accessed: 29.02.2024). С. 311.

Направленность развития семантических дериваций ('ребро, грудь, плечо, бок' > 'холм, склон, вершина' > 'край (чужой)' > 'двигаться' > 'убежище, укрытие' > 'часть одежды' и др.), грамматикализация в виде послелогов, тенденция к образованию парных конструкций в целом являются типологически схожими в тюркских и баскском языках. Если на примере исследованной части татарской ФСГ можно установить явный антропоцентрический характер развития дериваций ('шея, грудь, холка, плечи, бок' > 'край, сторона' > 'подниматься/спускаться'), то в баскском материале прослеживается связь значений 'бок, грудь' > 'крыло' > 'край' > 'летать'.

В следующих этапах исследования предполагается реконструкция моделей основ с начальными *б-/м-, к-, т-, с-* в татарском языке. Исследование ФСГ может являться перспективным направлением при изучении системных связей в лексике и морфонологии тюркских языков.

Список сокращений

- БД — башкирский диалектный
ДТ — древнетюркский
ДТ — древнетюркский
ПТ — пратюркский
ТД — татарский диалектный
ФСГ — фонетико-семантическая группа
баск. — баскский
башк. — башкирский
в зн. — в значении
диал. — диалектный
рус. — русский
ср. — сравните
тат. — татарский
тур. — турецкий
турк. — туркменский
узб. — узбекский
уйг. — уйгурский
уст. — устаревший
чув. — чувашский

Список литературы

1. Гаджиева А.Ю. О роли внутренней и внешней флексии в слово- и формообразовании тюркских языков (о хронологии процесса вовлечённости флективных механизмов) // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2013. Т. 26 (65). № 1. Ч. 1. С. 313–317.
2. Валеев Г.К. Сингармонический параллелизм башкирского языка и некоторые проблемы уральской топонимии // Этимологические исследования. Вып. 6. Екатеринбург, 1996. С. 188–194.
3. Сулейманова Д.Д. Историческая фонетика тюркских (башкирского, татарского) и баскского языков: сравнительно-сопоставительный анализ: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.20. Уфа, 2016.
4. Michelena K. *Fonetica historica vasca*. San Sebastian: Diputación Foral de Gipuzkoa, 1990.

References

1. Gadzhieva, A.Yu. 2013. “The role of internal and external inflection in word- and form formation of Turkic languages (on the chronological process of the involvement of inflectional mechanisms).” *Scientific notes of the Tauride National University named after V.I. Vernadsky*, vol. 26 (65), no. 1 (1), pp. 313–317.
2. Valeev, G.K. 1996. “Synharmonic parallelism of Bashkir language and some problems of Uralic toponymy”. *Etymological studies*, vol. 6, pp. 188–194. Ekaterinburg. (In Russ.)
3. Suleimanova, D.D. 2016. *Historical phonetics of Turkic (Bashkir, Tatar) and Basque languages: comparative and comparative analysis: dissertation*. 10.02.20. Ufa. (In Russ.)
4. Michelena, K. 1990. *Fonetica historica vasca*. San Sebastián: Diputación Foral de Gipuzkoa.

Сведения об авторе:

Сулейманова Дильбар Данисовна — кандидат филологических наук, редактор отдела журнала «Тулпар», Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан Издательский дом «Республика Башкортостан», Российская Федерация, 450079, Уфа, ул. 50-летия Октября, 13. AuthorID: 1107250. eLibrary SPIN-код: 7496-7723. ORCID: 0009-0004-3995-6146. E-mail: dilbar.bulatova@yandex.ru

Bio note:

Dilbar D. Suleimanova is a Candidate of Philological Sciences, Editor of the Department of the magazine “Tulpar” of the Publishing House “Republic of Bashkortostan”, 13 50th Anniversary of October St, Ufa, 450079, Russian Federation. AuthorID: 1107250. eLibrary SPIN-code: 7496-7723. ORCID: 0009-0004-3995-6146. E-mail: dilbar.bulatova@yandex.ru